

*Половцев Д.О.
Белорусский государственный университет, Минск*

ОТКРЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЛИТОВСКОЙ ПРОЗЫ: РОМАН Ю. КУНЧИНАСА «ТУУЛА»⁶

Юргис Кунчинас (Jurgis Kuncinas, 1947 - 2002) - известный литовский прозаик, поэт, эссеист. Он является автором шести сборников поэзии, семи книг рассказов (в том числе и для детей) и, наконец, семи романов. Ю. Кунчинас также писал киносценарии, пьесы для радио, переводил немецкую литературу на литовский язык. Заниматься последним позволяло его образование - Ю. Кунчинас изучал немецкий язык и немецкую литературу с 1964 по 1968 в Вильнюсском университете, но, как и герой романа «Туула», был изгнан оттуда. Его собственные произведения переведены на русский, немецкий, шведский, эстонский, латышский, польский, английский и другие языки мира.

Самый известный роман Ю. Кунчинаса - роман «Туула» ("Tula", 1993), который был признан лучшей литовской книгой 1993 года и удостоен премии Союза писателей Литвы. Это, однако, не первое признание его творчества. Журнал «Nemunas» не единожды награждал Ю. Кунчинаса за прозу и поэзию. Роман «Туула» был впервые опубликован в русском переводе в 2008 году питерским издательством Ивана Лимбаха [2].

«Туула» - роман-признание, роман-исповедь, в котором юмор, ирония, грусть, одиночество - так часто у Ю. Кунчинаса - перемежаются между собой и растворяются друг в друге.

⁶ Настоящая работа выполнена в рамках стажировки автора в Литовском эдукологическом университете (Lithuanian University of Educational Sciences) по гранту на проведение научного исследования от образовательного фонда Education Exchanges Support Foundation (октябрь - декабрь 2014 г.).

В романе можно выделить три плоскости: во-первых, это повествование о любовниках и их невозможной, недостижимой, но в то же время такой невероятной и страстной любви: «а сейчас я закрою тебя своим телом, пока ты еще чувствуешь мои бедра на своих, лежа здесь, в зарослях лопухов <...>, пока шепчешь мне: вжимай, вжимай меня в землю, ну же, сильнее!... И я чувствую, как проваливаюсь все глубже <.>. Давай откатимся в сторону, только не размыкай объятий, ни за что не размыкай - вцепись в меня ногтями, держи руками и ногами <.>. Танцуй, танцуй, это наш с тобой последний танец. лей вино мне на лицо, смой с него грязь, а потом я умою им тебя <.>. Я обмою тебя и уложу твоё тело на крытом мосту, прикрою зеленым лопухом - зеленым, как изумруд, как разбитая пивная бутылка <.>. Сядь. я дотащу тебя до прохладной воды, до мутной, темной воды, уложу тебя на плоском валуне. ложись, полежи, а текущий мимо нечистый пузырящийся поток почернеет еще больше от грязи, от плывущей по течению грязи наших тел, все дальше по течению, туда, откуда не возвращаются» [2, с. 259 - 266]. Описанию последней ночи - «лопуховой ночи» - героя с Туулой целиком посвящена XII глава романа.

Также настоящий роман - это повествование о любви к Вильнюсу, правда часто пьяными глазами и нетрезвым сознанием героя. И, в-третьих, это комментарий социального характера о позднем советском периоде. Ю. Кунчинас изображает общество, которое выпадает из советского строя.

Вербализация чувства любви к женщине по имени Туула (ее имя означает «некая», «некто») прерывается чередой событий, чувством ностальгии, воспоминаниями рассказчика, образным описанием Вильнюса и его пригородов, окрестностей, особенно района Заречье (географически этот район расположен чуть на восток от Старого города и долгое время являлся местом проживания бомжей, маргиналов, авангардистов, которые с крушением советской власти основали Независимую Зареченскую Республику). Вот что по этому поводу отмечает известный литовский поэт, переводчик, литературовед, эссеист, диссидент и правозащитник Томас Венцлова: «Сюжет ускользает, расплывается во фрагментах, неожиданных шагах в сторону, озорном нарушении правил. Порою тут присутствуют и некоторая зыбкость вкуса, и экзальтация, но чего нет, так это вранья: есть горькое, чреватое бедой шутовство, есть неизбежный вильнюсский романтизм, есть поглощенность темой» [1, с. 10]. Действие романа всегда динамично: события развиваются то в Вильнюсе, то в Каунасе, то в Клайпеде. Герой путешествует в Днепрпетровск, Запорожье,

Крым, наконец, в Минск. При этом он вынужден проводить время на вокзалах, о которых Ю. Кунчинас - и весьма справедливо - отзывается следующим образом: «На всех вокзалах стоит неистребимый запах мастики вперемешку с мочой, эти ароматы насквозь пропитали камень, бетон, даже гранит и металл. Различимый издали запах имперского величия... от Москвы до самых до окраин.... От Тихого океана до захваченного Кёнигсберга» [2, с. 216].

Итак, «Туула» - роман о любви, «упоительной» и «целостной», которая описана довольно откровенно. «Туула» - роман и об одиночестве, скитаниях и тревоге. Но главное, что произведение повествует о социальном и психологическом состоянии и положении тех, кто не был способен (или не хотел) адаптироваться к советской тоталитарной системе.

Центральной темой романа является повседневность маргиналов советской эпохи, их бегство от действительности, которое возможно при помощи иронического отношения к себе (окружающим)⁷ и алкоголя. Прибегая к последнему, они стараются избавиться от охватившего их чувства бессмысленности существования. Автор повествует о самочувствии **тех**, кто не вписался в систему, но способных в любых условиях сохранить человеческое достоинство: про таких как он сам - в «лоснящихся на локтях пиджачках, с непросыхающей каплей под носом» [2, с. 52].

«Те» всегда были близки самому писателю. «Я всегда находился в окружении **настоящих людей (иногда среди потерянных душ)**, - пишет Ю. Кунчинас в очерке «О своей работе», - а не среди партийных и функционеров и им подобных, которые пытались сделать себе имя

⁷ Наиболее интересными примерами иронии в романе мы считаем, например, следующие: «одна из дочерей Дашевской родила (господи, чуть не оговорился - ошенилась!) еще двоих ребятишек» [2, с. 36]; «ого-го, Туулина бабушка! Наверняка в ее жилах тоже текла голубая кровь, об этом, между прочим, проговорила моя мать.. Как жаждал я тогда, чтобы эта старушечка хоть раз порезала палец!» [2, с. 45]; «она встретила меня под руку с шатающейся Кайрой Примеа, спившейся эстонкой, которая чуть ли ни на три года застряла в Вильнюсе в командировке» [2, с. 53]; «вот она ты, Туула! Голова сфинкса, длинный изогнутый хвост - ты стоишь на верхушке фронтона, ведь это ты? Если задрать голову и взглядеться повнимательней, хвост начинает слегка подрагивать, пасть полуотщерищается.. Пить надо меньше, одергиваю я себя, раз уж невинная черно-серая ворона, опустившаяся на навес крытого мостика, показалась тебе Туулой» [2, с. 126]; «не выскакивай замуж, я ведь могу и вернуться когда-нибудь, жди! Не волнуйся, зайка, триппер ты не подцепил!» [2, с. 138].

при советской системе [выделено нами. - Д.П.]»⁸ [3, р. 136]. И далее он продолжает: «Я не верю, что литература должна морализировать. Нет ничего хуже, чем дидактическая литература (даже мелодрама лучше). Возможно, литература может только мотивировать, очаровывать, вызывать гнев или порождать различные эмоции» [3, р. 138].

Действительно, роман «Туула», который Т. Венцлова назвал «романом без вранья» [1], вряд ли оставит даже искушенного читателя равнодушным. Кого-то привлечет поэтика эротического, кому-то по душе придется автобиографический элемент (им отмечены почти все романы и рассказы писателя), кто-то будет следовать по стопам рассказчика и открывать для себя свой Вильнюс.

«Сам не знаю, могу ли я любить город, в котором испытал столько унижений, неудач и такую нужду. Зато я познал его в той мере, в какой мне было суждено это сделать» [2, с. 49], - так писал про литовскую столицу Ю. Кунчинас. Писатель чувствовал этот город, он остался верным Вильнюсу до конца своих дней. «Сам Кунчинас, - указывает Т. Венцлова, - такой же подлинно вильнюсский автор, как поляки Адам Мицкевич и Чеслав Милош, или евреи Моше Кульбак и Хаим Граде» [1, с. 9].

Роман «Туула» - это также и песнь Вильнюсу. Причем автор ни сколько не идеализирует этот город, «опутанный сетями, утыканный радарными, запретительными знаками, заслонами и разного рода помехами, изнуренный безрадостной жизнью и тем не менее ненасытный, голодный и жадный» [2, с. 65]. Даже в грязи, в пыли города Ю. Кунчинас видел жизнь и ее проявления, иногда сквозь призму фотографичности и натуралистической эстетики. По «Тууле» и рассказам писателя «можно восстановить топографию Вильнюса, как по Джойсу - топографию Дублина» [1, с. 9], - небезосновательно считает Т. Венцлова.

Вот с каким трепетом описывает повествователь литовскую столицу из окон Тюрьмы пьяниц ранней весной: «Я <...> остолбенел: озаренный золотым светом, вдалеке и вблизи искрился и тихонько жужжал еще безлистный, но уже украшенный почками Вильнюс» [2, с. 170].

Вильнюс, «всосавший тебя и меня в свою темную утробу и выплюнувший потом вместе с тиной, глиной, разными черепками и банками-склянками, с устаревшими деньгами» [2, с. 15], навсегда останется в памяти героя городом, где он испытал свою любовь.

⁸ Здесь и далее перевод англоязычных цитат наш. - Д.П.

«Говори со мной, Туула <...>, скажи, что напомним нам о привязчивой, как заразная болезнь, любви, так и не высказанной в средневековых двориках, зато не запятнанной городской грязью, такой запоздалой и никому не нужной любви» [2, с. 13 - 14], - так начинается повествование.

Связь героя с Туулой длилась всего неделю, но воспоминания о ней, визуализация ее образа в памяти - единственное, что аксиологически значимо для рассказчика в его бесцельном и нетрезвом существовании: «я мечтал постоянно быть с Туулой <...>, пить вино <...>, шататься по пронизанному сыростью и покрытому сажей городу <...>. Постепенно сесть, стариться, молоть с каждым разом все более откровенную чепуху - вероятно, именно так и должны жить двое людей, которым нечего терять, которые ничего особенного не ждут ни от мира, ни от самих себя <...>. Мне было чуть за тридцать. Туула - на шесть лет моложе» [2, с. 115]. Однако этим мечтам не суждено было сбыться.

Туула - «молодой дизайнер, девушка, которая не имела ни малейшего представления, что ей нужно в этом квартале, в Вильносе, да и вообще в мире» [2, с. 36]. Будучи родом из Каунаса, Туула вынуждена снимать жилье. «Убогое» жилище Туулы в Заречье (комнатка в ветхом доме) находилось между двумя мостами - крытым, современным и грузовым, бетонным. Крытый мостик был почти шикарен, в плохую погоду на нем застывали юные парочки, по нему «шаркали» профессора. Эти два моста как бы ведут в два разных мира: добропорочный и неблагополучный. Тот факт, что герои романа попадали в «темную утробу Заречья», «запойное Заречье», в «клоаку Заречья», в пропахший «помоями, керосином и уксусом двор» [2, с. 37] по второму мосту говорит о том, что они самостоятельно и добровольно определяли свой маргинальный статус: «бедность, безнадежность, пьяные песни <...> устремлялись <...> только по второму, бетонному, мосту» [2, с. 20]. Однако именно второй мост, ведущий в тот, Другой мир, косвенно связан - как и некоторые обитатели Заречья - с миром культуры и искусства. Вот с каким чувством иронии пишет об этом Ю. Кунчинас: «Власти задумали построить мост не для удобства плебеев и завсегдатаев злых мест, а для того, чтобы ближе было возить кирпич, арматуру и панели для строительства Дворца изобразительных искусств. Все необходимое для островка искусства в мире нищеты» [2, с. 20]. Далее повествователь описывает этот район не просто «нищим» и неблагополучным: «при виде этого хрипящего, залитого кровью, кишящего крысами и людьми - бродягами, бедняками, больными, инвалидами, нищими духом - квартала <...> у меня

багровеет шея, начинает кружиться голова - нет, нет, никакого просвета» [2, с. 31].

Описание района явно диссонирует с внутренним состоянием героев: «я <...> наливал Тууле вино, целовал ее волосы и уши <...>, проникал в ее плоское, узкое и уже такое родное тело, ни о чем ее не спрашивая, - душа парила под сводами и как бы со стороны наблюдала за нами» [2, с. 119].

Встретившись, эти две блуждающие души сразу же почувствовали внутреннюю близость и сходство. Как и герой романа, Туула тоже близка ко дну. Она тоже была в принципе одинока, и именно одиночество сводит эти две души вместе: «нас одновременно пронзило острое желание спастись, счастливый инстинкт опрокинул нас на твою убогую постель и не разочаровал» [2, с. 111]. Именно «Туула заставила меня оттолкнуться ногами от илистого дна, отряхнуться и хотя бы раз посмотреть вокруг» [2, с. 110]. Герой осознает, что хочет жить, а причиной этому - Туула. В связи с этим главный вопрос романа, кажется, звучит следующим образом: как должны жить эти люмпены, «отщепенцы» в обществе, чтобы выжить? Готового и однозначного ответа в романе, естественно, нет.

После отъезда Туулы с родителями в сторону к белорусской границе в ее комнате «человеческого духа <...> не осталось и в помине. Не пахнет больше телом Туулы, ее волосами и даже пропыленными папками» [2, с. 57]. Комната стала похожа на старый кладбищенский склеп (в дальнейшем было решено, что на месте дома будет построена студия живописи для детей), и на повествователя «накатил бесконечная тоска: это была тоска, вызванная одиночеством, наступающей ночью, тоска летучей мыши, висящей вниз головой над твоим ложем, Туула, - летучей мыши, которая никогда больше не опустится на твое тело» [2, с. 70].

Отметим, что автор время от времени превращается в летучую мышь, точнее он обладает данной способностью и может видеть свою возлюбленную тогда, когда это невозможно в реальной жизни. Этот фантастический элемент довольно умело и уместно вплетен в повествование: «я влетаю и, вцепившись лапками в скошенный сводчатый потолок твоей комнаты, слушаю, как ты дышишь, как тает иней на твоих альвеолах, как, обращаясь по кругу в твоём сонном теле, кровь завершает еще один оборот, как незаметно для себя ты ведешь разговор с плесневеющим на картине хлебом, с полными воспоминаний коробками-ящиками; я вижу в лунном свете твои удлинённые кости и осто́в таза, перламутровый череп под стриженными волосами, вижу, как по твоему животу ползет маленькая светящаяся букашка, как она

проваливается в ямку пупка и никак не может выбраться оттуда - настолько мала» [2, с. 17].

Герой делит свою жизнь на три периода: жизнь до Туулы, жизнь с Туулой и жизнь после Туулы. До встречи с Туулой он проживал бродяжническую жизнь среди «мрачных» и «злых» бомжей. Повествователь никогда не знал, где заночует следующей ночью, «не предполагал, куда занесет меня нелегкая и не станет ли наступивший день роковым» [2, с. 78]. У героя нет своего жилья, он постоянно живет то там, то здесь. Он ночует и в костеле, и в пансионате за городом, и в сараюшке у лентописца; его жилищем был и чердак общежития аспирантов, даже сосновый гроб. В студенческие годы его пристанищем была университетская фотолaborатория. Нередко он «обнаруживал в своей постели незнакомых мужчин и женщин» [2, с. 30]. Ему довелось «просыпаться рядом с умершим бродягой в трубе теплотрассы, умываться чужой кровью в уличной поножовщине, таращиться неподвижным взглядом на пьяного приятеля, который повесился, встав на колени, на наросте березы» [2, с. 238].

Все его пожитки - несколько книг и кое-какая одежда. Он находит и тащит «выброшенный кем-то белый шкаф с овальным зеркалом, секретером и мастерски сработанной выемкой для умывальника» [2, с. 40]. Герой является люмпеном, бродягой, он принадлежит к касте неудачников. Вот как он сам пишет про себя: «Я снова бродяга, вольный казак, хозяин известных только мне маршрутов!» [2, с. 133].

В романе описывается Неделя отлова бродяг: «с ее началом рядовые исполнители и их начальники, чаще всего при помощи пенсионерок и истосковавшихся по активной деятельности офицеров запаса, выпарапывали, как тараканов или сверчков, изо всех щелей, дыр, теплотрасс и полуподвалов аварийных домов разных бедолаг, голоштанников, хромоногих, распутников, пьяниц <...> и вплотную забивали ими и без того переполненные "камеры временного содержания"» [2, с. 78 - 79].

Автор создает теорию бродяжничества, раскрывает психологию бродяги и показывает механизм порождения человека в бродягу. Так, бродяге «некогда заниматься самоедством, сидеть сиднем, обхватив в отчаянии голову руками. Нужно неустанно, каждую минуту беречь свою жизнь, думать только о сегодняшнем дне и данном часе, беспокоиться о том, что ты будешь есть, пить, где заночуешь» [2, с. 96]. Далее рассказчик указывает на то, что бродяжьи свойства в человеке проявляются не сразу: «долгое время он стыдится своей бедности, испытывает неловкость, когда его провожают взглядами прохожие <...>. Со временем эти ощущения притупляются, сглаживаются,

и жизнь под открытым небом становится гораздо более сносной» [2, с. 96]. У человека появляется много знакомых из того круга, которых он раньше не замечал. Повествователь также устанавливает возрастной ценз: «после тридцати нормальному человеку уже не положено быть бродягой, разве что бездомным.. Нормальные тридцатилетние, у которых был шанс стать бродягами, или уже сошли в могилу, или обладают тем, что называется жилищем, гнездом, домом» [2, с. 97].

Однако герой среди и этих маргиналов не становится «своим». Он и чужероден своим сверстникам. Его тянет к людям с «прочным» положением, однако, и тут он - по понятным причинам - терпит фиаско. Героя, естественно, не принимают и родители Туулы: «они ждали здоровилу, а ты привезла какого-то празднопотающего типчика в потертом полупальтишке и затасканной шапке» [2, с. 130]. Или, например, с нескрываемой неприязнью встречает его в Клайпеде знакомая по имени Рододендра Розенблюме.

Повествователя окружают представители гетерогенных классов и общностей (в большей степени маргинальных): старухи, строители, рабочие, «желторотые» наркоманы, юные девицы, «любопытствующие» сумасброды, спившаяся (спивающаяся) интеллигенция, бомжи, сатанисты, влюбленные парочки, подростки, женщины «с тонкими синюшными ножками, в потрепанных пальтишках», пациенты сумасшедшего дома, «паршивые» мужичонки, незнакомые мужики с наколками на груди, вернувшиеся из тюрем или психушек, забулдыги, самозванцы и настоящие художники, студенты с «лицами дебилов и гениев» и другие. «Его герои, коими часто являются пьяницы и бродяги, могут быть сравнимы с героями произведений Ч. Буковски и литературы битников», - пишут авторы-составители антологии современной литовской литературы «Социальное изменение» [4, р. 36].

Примерно таков же контингент одного из излюбленных мест героя, как и вильнюсских ломпенов, кафе на втором этаже гастронома «Ритас», где спиртное продавалось почти без наценки. «По воскресеньям там собирались жаждущие опохмелиться ословелые художники, поссорившиеся с женами интеллигенты, небритые, с засаленными волосами уличные "пахари" - довольно унылая, но зато и неагрессивная разношерстная публика» [2, с. 86]. Это кафе было островком тепла и относительного покоя в «неприятном, голодном, утопающем в легкой дымке городе» [2, с. 87].

В связи с этим автор порой воссоздает фотографическую и натуралистическую действительность, которая связана с маргинальностью как таковой: «я застал в кухне странную пару - зачуханный мужичонка и немая старуха с паршивым щенком: они здесь

и ели, и спали, и испражнялись - прямо на кухне. На листе жести разводили костерок, что-то варили» [2, с. 58]. Или, например: «сводь <...> были так грязны от копоты и сплошь покрыты темными жирными катышками, сажей, паутиной, дохлыми мухами. я улавливал слабый запах воска, мази, мочи и несвежей пищи - рядом находилась кухня» [2, с. 61].

В романе даже присутствует описание морга: «я увидел на оцинкованном столе обнаженный <...> труп с раскромсанным животом <...>. Два дюжих парня в белых халатах, изредка поглядывая на своего раскроенного пациента и вроде что-то проделывая над ним, снова оборачивались к замазанному окну, наливали что-то в мензурку, выпивали, морщились, закрывали глаза и хватали горбушку хлеба» [2, с. 62-63].

Мир глазами героя «был наполнен бедностью, страхом, неведением, насилием и космическими загадками» [2, с. 118]. Повествователя постоянно сопровождают периоды потерянности и полного безденежья; он выбирает риск, игру, голодуху, бессмыслицу. Становится объяснимым, почему жизненным кредо героя романа является любимое выражение Б. Муссолини "*Vivere pericolosamente!*", что означает «Жить в опасности!». Герой романа и выбирает для себя подобное существование: во мрак и в бездомность.

Топосы для такого существования различны. Это переулки, одичавшие парки, площади и пустыри Вильнюса, обрывы над Вилейкой, мостики через нее, кладбища, подвалы и полуподвалы, откосы, закоулки, дворы. Героя окружает мрачное и серое пространство. Может быть, это и есть истинная стихия героя и ему подобных? Вряд ли, ибо не хочется выходить «на грязную улицу, к крысам, бездомным кошкам и опшивающимся целый день напролет <...> людям» [2, с. 31], туда, где пахнет «сажей, мыльными помоями, кошачьим пометом» [2, с. 20]. Однако он понимает свою инаковость; герой приходит к осознанию того, что он обречен жить в потемках, постоянно опасаясь людей - подобно летучей мыши - и не появляться даже в сумерках.

На два месяца герой нашел себе пристанище во Втором отделении больницы для алкоголиков. Заметим, что сам Ю. Кунчинас лечился от алкоголизма в схожем учреждении. Как уже указывалось нами выше, романы Ю. Кунчинаса автобиографичны, однако, как пишет Т. Венцлова, «многое в них преобразено сюрреализмом и гротеском» [1, с. 6]. С этим нельзя не согласиться.

Пациенты Второго отделения «поселялись в кокетливом на вид, построенном в дачном стиле бараке и валялись тут чуть ли не месяц,

глотали витамины и транквилизаторы, развращали на досуге юных полудурочек, которых и в живописном парке больницы, и в лесочке вокруг психушки было хоть пруд пруди» [2, с. 145]. В этом бараке находились только мужчины-алкоголики, а рядом, по-соседству, в других отделениях, которые находились за высоким проволочным забором, «тихо сходили с ума будущие самоубийцы, пригожие юноши-депрессанты, кудрявые пшизофреники с орлиными носами и горящими взорами, студенты-неудачники, предпочитавшие лучше полежать в дурдоме, чем идти в армию, конфликтующие с родителями истеричные подростки <...> и одинокие старички» [2, с. 145].

Для героя даже эта больница была комфортней по сравнению с бесцельным скитанием по улицам Вильнюса. Он даже был зачислен (по собственному желанию) в экспериментальную группу. Пациенты ложились на кушетки, а доктор произносил приятные и благозвучные слова, заставляя последних расслабиться. Потом он обליчал пиво, вино, водку и приказывал пациентам рты и плескал туда водку. «Или же просто выливал ее как попало - брызги попадали мимо рта, на лицо, в глаза» [2, с. 147]. Целью его лечения было вызвать отвращение к водке. «На полу под кушетками стояли красные и синие пластмассовые ведерца, но далеко не каждый из нас под воздействием омочившей губы водки в них блевал <...>. Блюющие здесь всячески поощрялись и ставились в пример неблюющим» [2, с. 147].

Постепенно герой стал чувствовать, что ему есть куда вернуться; то есть у него появилось чувство Дома: «вот уже третью неделю барак дачного типа был для меня и кормушкой, и ночлежкой» [2, с. 152].

Кстати, как позже выяснит повествователь, Туулу должны были поместить в Первое отделение больницы к слегка чокнутым и неудачникам, которые страдали от романтической депрессии. Но мать Туулы, узнав, что в этой же больнице находится и герой, отказалась от своего намерения. «Да, Туула, ведь ты только благодаря мне избежала сумасшедшего дома <...>, полудурков-практикантов с их тестами в папках и прочих дурдомовских развлечений» [2, с. 163].

В конце концов, герой попадает туда, «куда и положено попасть бездомному с вечным запахом перегара» [2, с. 169] - в Тюрьму пьяниц, где он «смирился с рутинной, вонью, конвейером, постоянными унижениями и нескрываемым презрением» [2, с. 168]. Принципы лечения этих «дохляков», «подонков», «ничтожеств» не были новы и оригинальны: «сначала тоже вызывали рвоту, только уже более жестоким, насильственным способом - с помощью уколов апоморфина, а затем, под конец наших мучений, заставляли глотать омерзительный белый порошок» [2, с. 168]. Не имея вообще никого крова над головой,

некоторые заключенные, совершив побег, сами возвращались сюда, другие хотели продлить свое пребывание там: «как только громкоговоритель принимался перечислять на весь лагерь тех, кого после лечения отпускают на волю, этим бедолагам впору было затыкать уши - так сильно боялся каждый из них услышать свою фамилию. Да и куда было идти им, этим полуживым отказникам, бездомным, давным-давно не представлявшим угрозы ни другим, ни самим себе» [2, с. 189].

Освободившись, герой еще пару раз встречается Туулу, но думает и бредит о ней постоянно. Однако после «лопуховой ночи» (это произошло семь лет спустя их знакомства) он больше никогда ее не видел. Долгое время он даже не знал, что ее больше нет в живых, а потом не знал, где она похоронена. Оказывается, что Туула сгорела в бане на берегу лесной речки. «Горстку пепла да кучку костей» [2, с. 270] закопали в лесу в круглой коробке от киноплёнки. Герой находит ее прах: «я откопаю тебя и увезу из этих лесов - а ведь ты наверняка думала, что я позабыл, предал, похоронил?... Нет. Ты все еще моя» [2, с. 279] и перезахоранивает его в том самом доме, где когда-то жила Туула. Так закончилась ее судьба, судьба героя-маргинала.

Итак, роман Ю. Кунчинаса «Туула» - политематическое произведение, в котором поэтика безумного (отличная от той у М. Фуко), эротического, алкоголического переплетена с философией бродяжничества, механизмом превращения человека в бродягу и, естественно, психологией люмпена. Но в первую очередь - и это главное - настоящий роман является повествованием о маргиналах как таковых, а, значит, это и дискурс маргинального. Характерно, что эти маргиналы и люмпены способны сохранить человеческое достоинство в «этом несовершенном, заплеванном» и «загаженном» мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венцлова, Т. Роман без вранья // Кунчинас, Ю. Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Пер. с лит. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. - С. 5-10.
2. Кунчинас, Ю. Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Пер. с лит. / Ю. Кунчинас. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. - 464 с.
3. Kuncinas, J. About My Work // The Earth Remains: An Anthology of Contemporary Lithuanian Prose / trans. and ed. by L. Sruoginis. - Vilnius: Tyto alba, 2002. - P. 136-138.
4. Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology / introduction and selection: N. Klisiene. - Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. - 155 p.